

Социология управления
Management sociology

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-73-88

Комплексный гендерный подход как методология социальной политики

Воронина Ольга Александровна

Доктор философских наук, SPIN код РИНЦ: [8847-2274](#), ORCID: [0000-0002-1122-2886](#), olga-voronina777@yandex.ru

Институт философии РАН, Москва, РФ.

Аннотация

Мировое сообщество рассматривает достижение гендерного равенства как важнейшее условие развития человека и общества. РФ присоединилась к ряду международных конвенций и соглашений, в которых закреплён принцип гендерного равенства, соблюдение которого обозначено как одна из целей устойчивого развития всего человечества в одном из последних документов — «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». РФ в конце прошлого и в начале этого века активно использовала международные рекомендации и опыт: в органах законодательной и исполнительной власти были созданы различные звенья национального механизма по гендерному равенству, развивались новые подходы к формированию социальной политики. Однако в последние годы произошли значительные изменения в формировании гендерной повестки дня. В статье с опорой на государственные стратегические документы показано, что государство переориентировалось с целей гендерного равенства на улучшение положения женщин. На основе анализа данных статистики, экспертных мнений и исследований ряда ученых убедительно доказывается, что в современном обществе сохраняется гендерный дисбаланс в сфере политики и государственного управления; не преодолены различные виды дискриминации женщин на рынке труда и в экономике в целом; женщины (особенно матери) сталкиваются с конфликтом семья — работа; в здравоохранении слабо учитывается влияние гендерных факторов на здоровье мужчин и женщин и организацию медицинской помощи. Отмечается, что сложность решения проблемы заключается в том, гендерное неравенство носит комплексный характер и затрагивает одновременно разные области социальной политики. Именно поэтому для реального достижения гендерного равенства необходимо предпринимать более действенные меры.

Ключевые слова

Гендерное равенство, политика, государственное управление, рынок труда, экономика, здравоохранение, семья, комплексный гендерный подход.

Для цитирования

Воронина О.А. Комплексный гендерный подход как методология социальной политики // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 100. С. 73–88. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-73-88

Gender Mainstreaming as Methodology in Social Policy

Olga A. Voronina

DSc (Philosophy), ORCID: [0000-0002-1122-2886](#), olga-voronina777@yandex.ru

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The world community considers achievement of gender equality as the most important condition for developing the society. The Russian Federation has joined a number of international conventions and agreements that enshrine the principle of gender equality which is designated as one of the goals of sustainable development of all humankind in one of the latest documents — “Sustainable Development Goals”. At the end of the last century and at the beginning of this century, the Russian Federation actively used international recommendations and experience: various links of the national machinery for gender equality were created in the legislative and executive institutions, new approaches to the formation of social policy were developed. However, significant changes have taken place in recent years. The article, based on state strategic documents, shows that the state has shifted from the goals of gender equality to the improvement of women status. Based on an analysis of statistical data, expert opinions and research by a number of scientists, the author convincingly proves that gender imbalance in the sphere of politics and public administration remains; various types of discrimination against women in the labor market and in the economy as a whole have not been overcome; women (especially mothers) face family — work conflict; in healthcare, the influence of gender factors on the health of men and women and the organization of medical care is poorly taken into account. It is noted that the difficulty of solving the problem lies in the fact that gender inequality is complex and simultaneously affects different areas of social policy. That is why it is recommended taking more effective measures to truly achieve gender equality.

Keywords

Gender equality, politics, public administration, labor market, economics, healthcare, family, integrated gender approach.

For citation

Voronina O.A. (2023) Gender Mainstreaming as Methodology in Social Policy. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 100. P. 73–88. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-73-88

Введение

Актуализация гендерной проблематики в современном мире не случайна: в ее основе лежат глубокие экономические, политические, социальные, гуманитарные причины. Однако этот всплеск интереса вовсе не означает, что сам феномен появился недавно. Фактически человеческое общество начинает формироваться тогда, когда возникают определенные нормы и правила поведения, предписываемые людям. Социальные модели, конструируемые для мужчин и женщин, принято называть гендерными. Эти модели, конструируемые обществом на протяжении веков, определяют все социальные роли женщин и мужчин в обществе.

В любом обществе существует гендерная система, диктующая поведение, социальные роли, профессии, самосознание людей в зависимости от их пола. На формирование этой системы (или, как иногда говорят, гендерного порядка) влияют формы и типы базовых социальных институтов (таких как семья, экономика, политика, религия, образование), а также господствующие в обществе идеология, культурные нормы и ценности. В традиционном обществе система гендерных ролей построена по принципу бинарной оппозиции мужского и женского и приоритета маскулинности над феминностью. В современном мире социальная несправедливость и гендерный дисбаланс власти, ресурсов, возможностей развития оценивается как глобальная социальная и этическая проблема, которую необходимо решать.

Достижение и соблюдение гендерного равенства рассматривается мировым сообществом в лице ООН как условие прогресса общества и развития человеческого потенциала¹. Этот подход закреплен в официальных международных документах ООН, к которым в разные годы присоединилась и Россия: во Всеобщей декларации прав человека (1945), в Венской декларации прав человека (1993), Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации женщин (1979), в так называемых Целях развития тысячелетия (2000–2015 гг.) и в принятой в 2015 г. программе «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». В последнем документе, который у нас в литературе принято обозначать как ЦУР (Цели устойчивого развития), пятая глобальная цель (всего их семнадцать) — это «достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек». В документе обозначены и необходимые шаги в этом направлении: ликвидация всех форм дискриминации в отношении женщин и девочек во всем мире; всех форм насилия в отношении женщин и девочек как в государственной, так и в частной сферах (имеются в виду торговля людьми, сексуальная и другие виды эксплуатации); вредной практики (детские, ранние и принудительные браки и калечащие операции на женских половых органах); изменение отношения к неоплачиваемому уходу и домашней работе; предоставление разнообразных государственных услуг, инфраструктуры и развитие политики социальной защиты женщин; обеспечение доступа к услугам в сфере репродуктивного здравоохранения; предоставление женщинам равных прав на экономические ресурсы; обеспечение равного участия женщин в управлении на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни². Это масштабный план, требующий больших и разносторонних усилий. Государства, которые подписали ЦУР, добровольно берут на себя ответственность, самостоятельно разрабатывают и финансируют наиболее адекватные для своей страны стратегии, планы и программы по устойчивому развитию. По оценкам ООН, экономическая выгода при достижении этих целей очевидна, поскольку «они откроют рыночные возможности, эквивалентные \$12 трлн, и обеспечат 380 млн новых рабочих мест» [Шведова 2022, 6].

¹ 2022 Annual Parliamentary Hearing at the United Nations // IPU [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipu.org/event/2022-annual-parliamentary-hearing-united-nations> (дата обращения: 02.06.2023).

² 17 целей устойчивого развития // PlusOne [Электронный ресурс]. URL: <https://plus-one.ru/sustainability/17-celey-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения: 10.06.2023).

Создание глобальной программы для достижения устойчивого развития человечества является результатом многолетнего процесса, учитывающего мнения разных стран и свидетельствующего о согласии между 193 государствами — членами ООН в отношении приоритетов. Обозначенные цели устойчивого развития призваны решить проблемы, с которыми так или иначе сталкиваются все страны. При этом способы решения проблем, обозначенные в документе, являются согласованными и потому универсально применимыми³.

Именно поэтому такую важность представляет анализ российской социальной политики с точки зрения реализации принципа гендерного равенства. Целями статьи является описание и оценка как общих теоретических установок социальной политики, так и конкретных мер для достижения гендерного равенства в таких сферах, как политика и государственное управление; профессиональная занятость; семья и демография; здравоохранение.

Общие теоретические, методологические и практические подходы к осуществлению политики гендерного равенства

В РФ общепризнанные нормы и принципы международного права, а также международные договоры РФ были включены в правовую систему страны. РФ стала участницей подавляющего большинства международных конвенций о ликвидации дискриминации женщин. В 1996 г. был издан ряд Указов Президента и Постановлений Правительства относительно социально-экономического статуса женщин; принята Концепция улучшения положения женщин в РФ⁴ и «Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г.». В Плане намечены 44 мероприятия, которые отражают смешение различных подходов к «решению женского вопроса» — от советского до почти феминистского. Однако средств для реализации этого и всех последующих национальных планов выделено не было, поэтому большинство мер остались нереализованными.

С середины 1990-х гг. в РФ стал формироваться национальный механизм (НМ) по улучшению положения женщин. В международно-правовых документах НМ понимается как совокупность государственных институций, целью которых является разработка социальной политики для улучшения положения женщин и достижения гендерного равенства.

Анализ НМ в разных странах показывает, что его структура определяется существующими в этих странах политическими, экономическими, социальными и культурными факторами. Локализация звеньев НМ тоже весьма разнообразна — они могут располагаться при президенте, или правительстве, или парламенте, или в нескольких министерствах. А иногда — и на всех указанных уровнях.

Коротко рассмотрим общий вид НМ, рекомендованный в Пекинской Платформе действий (далее — ПДД)⁵, к которой присоединилась и РФ. ПДД рекомендует располагать национальные механизмы в центральных органах государственной власти — лучше всего в офисе президента или премьер-министра, чтобы пытаться оказывать влияние на процесс планирования во всех этих структурах. Такая локализация позволяет придать гендерным вопросам высокий статус, добиться хорошего финансирования и более близких связей с гражданскими службами. Разумеется, одобрение высшего лица государства и тот факт, что механизмы политики гендерного равенства вырабатываются в недрах центральной исполнительной власти, зачастую являются

³ Our Common Agenda — Report of the Secretary-General // UN [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/> (дата обращения: 10.06.2023); Take Action for the Sustainable Development Goals // UN [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 10.06.2023).

⁴ Правовая основа обеспечения равных прав мужчин и женщин и равных возможностей их реализации. М.: Издательский отдел УД ГД РФ, 1998. С. 65-80.

⁵ Пекинская Декларация // ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unwomen.org> (дата обращения: 24.06.2023).

ключевыми факторами, определяющими возможность принятия соответствующих решений на высшем политическом уровне. Это в идеале. Однако на практике глава правительства не может уделять должного внимания гендерным вопросам, и поэтому в некоторых странах введена должность министра по делам женщин/гендерному равенству, в обязанности которого входит консультирование премьера.

В некоторых странах вопросами гендерного равенства занимаются государственные органы управления. Обычно разработка политики гендерного равенства возлагается на министерство социального обеспечения. Это затрудняет внедрение комплексного гендерного подхода в работу иных министерств. Наиболее эффективным является создание отдельного министерства по гендерной политике и наделение его высокими полномочиями.

Законодательное обеспечение политики гендерного равенства является прерогативой соответствующих комитетов в Парламентах. Специализированные комитеты и женские политические фракции нередко привлекают к обсуждению законодательных инициатив женские неправительственные организации (НПО) и экспертов из академической среды для анализа и оценки гендерных последствий политики. Благодаря деятельности специализированных парламентских комитетов появляется возможность активизировать работу правительственных институтов, ответственных за принятие ключевых решений в области гендерной политики.

Роль государства как центрального института власти и «держателя государственной казны» в определении ориентиров социальной политики чрезвычайно важна. За четверть века, прошедшие с Пекинской конференции, во многих странах созданы различные варианты НМ. При этом нередко государственные структуры активно взаимодействуют с гражданским обществом, в частности экспертным сообществом и неправительственными организациями. Сегодня можно констатировать, что там, где НМ достаточно развит, политика гендерного равенства наиболее эффективна [Тартаковская 2008].

В России процесс формирования НМ начался с создания в 1994 г. Комиссии по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ. Иными словами, первое звено НМ было создано на самом высоком уровне. И это имело большое значение. Поскольку с момента организации Комиссии в 1994 г. и вплоть до ее ликвидации в 2000 г. я была ее членом, могу констатировать, что в заседаниях Комиссии, как правило, принимали участие заместители министров (или хотя бы начальники департаментов) профильных ведомств. И решения Комиссии, как правило, исполнялись. После участия официальной делегации РФ в Пекинской конференции процесс формирования структур НМ пошел более интенсивно. При законодательных и исполнительных федеральных и региональных органах власти стали создаваться различные структуры по вопросам женщин. Так, Комитет по делам женщин, семьи и молодежи ГД РФ очень активно включился в процесс обновления законодательства для продвижения принципа гендерного равенства. Систематически проводились Парламентские слушания по тематике Комитета с привлечением к участию в них широкого круга депутатов, представителей министерств, гендерных экспертов и представителей НПО. Это способствовало более разностороннему пониманию проблем и путей их решения. По инициативе этого Комитета в 1997 г. была подготовлена «Концепция законодательской деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин», одобренная ГД Федерального собрания РФ⁶. Весной 2003 г. в ГД прошел первое чтение проект Федерального Закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в РФ», написанный с позиций соблюдения гендерного равенства. К сожалению,

⁶ О Концепции законодательской деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин // Законодательство России [Электронный ресурс]. URL: http://ips.pravo.gov.ru/?doc_itself=&backlink=1&nd=102050220&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 29.06.2023).

второго чтения он так и не прошел, и в 2018 г. ГД отклонила его полностью. В постановлении Государственной думы Федерального собрания РФ не говорится ни о причинах отклонения законопроекта, ни о том, что работу в данном направлении необходимо продолжить. Подробно история, предшествовавшая отклонению, и попытки женских НПО и гендерного сообщества поддержать рассмотрение законопроекта описаны в статье автора [Воронина 2016].

В Министерстве труда и социального развития РФ был создан отдел социально-экономического положения женщин. Сотрудники этого отдела систематически проводили мониторинг положения женщин и выработывали рекомендации для профильных министерств. Министерством труда и соцразвития были также подготовлены два национальных плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе (один — до 2000 года, второй — на 2001–2005 гг.). К сожалению, выполнение этих планов было слабо обеспечено финансами и кадрами. В 2004 г. это министерство предложило проект Гендерной стратегии РФ. В ней, в частности, были намечены такие задачи, как разработка планов мероприятий субъектов РФ по осуществлению гендерной стратегии на период до 2015 г.; подготовка плана законотворческой деятельности в области гендерной политики; проведение гендерной экспертизы отраслевых стратегий, концепций и доктрин и подготовка предложений по коррекции осуществляемых планов; создание организационных структур на федеральном уровне, на уровне субъектов РФ, имеющих необходимые полномочия для координации работы в рамках осуществления стратегии; разработка и проведение информационной кампании по популяризации идей гендерного равенства в России и положений стратегии⁷. На тот момент это была, пожалуй, самая прогрессивная программа действий. Она готовилась при активном участии гендерных экспертов и потому была написана не в стилистике «улучшения положения женщин», а именно в стилистике достижения гендерного равенства. Однако Гендерная стратегия не была утверждена правительством страны.

Помимо описанных структур, в аппарате Уполномоченного по правам человека был создан Отдел по вопросам женщин, семьи, молодежи, а в Совете Федерации — Гендерное бюро (с консультативным статусом). Проблема с работой этих структур заключалась в том, что они совсем не были обеспечены ни финансовыми, ни кадровыми ресурсами и работали на энтузиазме их руководителей и привлекаемых экспертов.

По примеру федеральных органов в ряде региональных структур законодательной и исполнительной власти гендерными вопросами также стали заниматься подразделения, занимающиеся социальной политикой [Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России 2010, 10–301]. В целом этот период характеризуется тем, что на фоне ориентации РФ на вхождение в мировое сообщество власти поддерживали принцип гендерного равенства и предпринимали усилия по его реализации.

После 2012 г. государство постепенно перенесло акценты гендерной политики с идеи равенства на «улучшение положения женщин». Как справедливо отмечает И.И. Юкина, между ними существуют принципиальные различия. Во-первых, объектом политики улучшения положения женщин выступает только эта социальная группа. Объектами политики равенства являются гендерные группы мужчин и женщин и их макросоциальные отношения. Во-вторых, цель государственной политики улучшения положения женщин заключается в том, чтобы создать наиболее эффективные условия сочетания их участия в экономике с выполнением репродуктивной роли. Цель политики гендерного равенства намного масштабнее — формирование современного

⁷ Гендерная стратегия Российской Федерации // Права женщин в России [Электронный ресурс]. URL: <http://womnet.ru/prava/2004/1/4.htm> (дата обращения: 29.06.2023).

общества, в котором мужчины и женщины имеют равные права и возможности во всех сферах жизни [Юкина 2011, 34]. Со сменой курса социальной политики все звенья НМ постепенно были устранены, за исключением Комитета по делам семьи женщин и детей ГД РФ. В русле нового курса Правительство РФ утвердило в 2017 г. «Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.». Этот документ содержит внутренние противоречия: с одной стороны, в нем содержатся призывы увеличить экономическую активность женщин, а с другой, намечаются государственные меры поддержки многодетности. Очевидно, что это трудно совместить. Важно отметить, что такая цель, как повышение политической активности женщин, в Национальной стратегии не выдвигается [Кашина 2019].

Международные эксперты предлагают использовать комплексный гендерный подход (КГП) в социальной политике. Эта методология означает, что необходимо систематически анализировать вопросы гендерного равенства/неравенства, готовить на основе анализа специальные меры социальной политики, далее проводить мониторинг мер и оценивать их эффективность. А затем при необходимости дорабатывать или даже менять управленческие решения⁸. Иными словами, КГП означает систематическое включение принципа гендерного равенства в социальную политику во всех ее сегментах и областях⁹. Появление такого подхода связано с новым пониманием гендерных различий. Существующие различия между женщинами и мужчинами должны учитываться, но не для создания и сохранения иерархии (как было раньше), а для преодоления отрицательных последствий гендерных различий. Это означает, что при формировании социальной политики различия между мужчинами и женщинами необходимо принимать во внимание таким образом, чтобы обеспечить равное распределение экономических, социальных и политических возможностей и ресурсов. Очевидно, что важную роль при внедрении КГП играет государство и его структуры.

Развитие и применение КГП в каждой стране связано с множеством факторов: спецификой правовой системы, особенностями экономики, социальными и культурными нормами. Это означает, что нет цельной, законченной методики КГП, которую можно позаимствовать и автоматически применять в каждой стране. Более того, даже в самых продвинутых с точки зрения гендерного равенства странах мы пока не видим политики «тотального» равенства — в одном сегменте ситуация лучше, в другом — хуже. Иными словами, КГП следует понимать как принцип и стратегическую цель социальной политики, достижение которой может занять годы и десятилетия. Однако главное — не отказываться от реализации самой политики гендерного равенства. В нашей стране с середины 1990-х гг. до начала 2010-х гг. вместе с построением НМ предпринимались попытки налаживания взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти для решения гендерных проблем. К сожалению, расформирование НМ и отказ от использования КГП в социальной политике привели к усилению ряда проблем.

Гендерный дисбаланс в политике и управлении

В «Докладе о глобальном гендерном разрыве», опубликованном в 2021 г., Россия занимает 133-е место по показателю женского политического лидерства¹⁰. Этот показатель отражает возможности доступа женщин к процессу принятия важных решений в государстве.

⁸ One Hundred Words for Equality: A Glossary of Terms on Equality between Women and Men. P. 6 // EU [Электронный ресурс]. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/7342d801-86cc-4f59-a71a-2ff7c0e04123> (дата обращения: 10.06.2023).

⁹ Комплексный подход к проблеме равенства женщин и мужчин. Концептуальные рамки, методология и ознакомление с позитивным опытом // OWL [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/win/docum/ec/gender/index.htm> (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁰ The Global Gender Gap Report 2021 // World Economic Forum [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (дата обращения: 10.06.2023).

Согласно данным государственной статистики, на 1 января 2022 г. среди депутатов ГД РФ женщин было 16,4%, среди членов Совета Федерации — 21,8%¹¹. Гендерная пирамида в системе органов представительства остается проблемой не только на федеральном, но и на региональном и местном уровне. Среди депутатов субфедерального уровня женщины составляют 18%. Представительство женщин в региональных и муниципальных органах власти колеблется в пределах 10–20% [Милаева и др. 2021, 92].

В сфере руководства крупными предприятиями очевидно доминирование мужчин и ограниченное представительство женщин. И, хотя, по данным некоторых исследований, в России самая высокая доля женщин-предпринимателей в сфере бизнеса [Зарубин, Киселева 2019], их число преобладает в малом и среднем бизнесе. Это приводит к вертикальной и горизонтальной сегрегации в сфере публичного управления, а также порождает гендерный дисбаланс в наиболее влиятельных департаментах федеральных органов власти, связанных с бюджетом, финансированием, сферой международных отношений и др. Женщины в большей степени представлены в департаментах, занимающихся социальными и культурными вопросами, и это означает, что у них ограниченный доступ к ключевым политическим позициям для влияния на процесс принятия решений [Порецкова и др. 2023].

В «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.» отмечается, что, несмотря на определенное улучшение, дисбаланс в представленности женщин на уровне принятия решений сохраняется¹². В документе поставлена цель «укрепить» (а не повысить!) позиции женщин в общественно-политической жизни страны. Для реализации этой цели «предполагается решение следующих задач: обеспечение возможностей для увеличения представительства женщин в органах законодательной и исполнительной власти всех уровней и органах местного самоуправления; расширение участия женщин в работе политических партий, увеличение их численности в руководящих партийных органах, формирование у женщин интереса к активной политической деятельности; создание условий для участия женщин в развитии институтов гражданского общества — выдвижение женщин на лидерские позиции в вопросах государственной политики по поддержке некоммерческого сектора, поощрение социальных инициатив, реализуемых в интересах женщин социально ответственным бизнесом; включение женщин в сферу инициативного бюджетирования; поддержка добровольческой (волонтерской) деятельности женщин; развитие интереса у женщин к вопросам международной жизни путем вовлечения к участию в образовательных и просветительских программах женского лидерства, направленных на активизацию гражданской позиции; популяризация образа женщины-лидера, успешно реализующей свои деловые качества, творческий потенциал в общественно-политической жизни»¹³. Как видим, задачи сформулированы максимально обобщенно, для их решения не названы ответственные лица и структуры, не выделено финансирование, не обозначены сроки. Такая позиция отражает традиционное мировоззрение, что политика — это не женское дело. Однако женщины имеют право представлять и защищать свои интересы и права. Но есть и еще один аспект проблемы. Как показывают международные исследования, участие женщин в процессах принятия важных социально-экономических решений дает позитивные результаты. Женщины, как правило,

¹¹ Женщины и мужчины России // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 05.06.2023).

¹² Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг. // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ilHtVckhskBAE9DAfID3Akpd787xAOc4.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

¹³ Там же.

гораздо больше внимания уделяют решению социальных и гуманитарных задач, при обсуждении государственного бюджета настаивают на увеличении расходов на социальные, культурные и гуманитарные проблемы.

Кстати, социологические исследования, проведенные ВЦИОМ, показывают изменение общественного мнения от традиционализма к принятию гендерного равенства. Так, если в 2005 г. 46% опрошенных считали, что женщин во власти недостаточно, то в 2009 уже половина сограждан (52%) соглашалась с этим тезисом. В обществе шире распространяется представление о том, что пол политика не играет существенной роли. В 2005 г. 44% опрошенных выбрали бы мужчину на президентских выборах, а в 2017 г. 54% респондентов ответили, что пол не имеет значения (хотя 38% скорее выбрали бы мужчину). В опросе 2017 г. также выяснилось, что идею квот для гарантированного представительства женщин в органах власти поддерживало более половины опрошенных — 51%. В 2019 г. 62% россиян считали, что нужно стремиться к полному равенству прав мужчин и женщин, и 59% респондентов поддерживали идею о необходимости полного равенства обязанностей мужчин и женщин¹⁴. Эта ситуация нуждается в осмыслении и переоценке ориентиров социальной политики.

Гендерное неравенство на рынке труда

Несмотря на высокий уровень образования российских женщин и их активное участие в экономике, для рынка труда по-прежнему характерны различные проявления гендерного неравенства. Это горизонтальная и вертикальная гендерная сегрегация; неравная оплата труда даже в рамках одной сферы; препятствия объективного и субъективного характера для повышения уровня профессионального образования и многое другое. Отечественные исследователи подробно анализируют эту ситуацию и выделяют как объективные (для женщин это прежде всего конфликт семья — работа), так и субъективные причины (традиции и стереотипы, которым подвержены и женщины, и работодатели) [Калабихина 2008; Хоткина 2020]. В связи с этим я не буду описывать имеющиеся проблемы, а перейду к тем мерам, которые можно использовать для достижения гендерного равенства на рынке труда.

Разумеется, первое условие — это создание системы законодательных мер, препятствующих прямой и косвенной дискриминации на рынке труда. Нормы, запрещающие дискриминацию в целом, содержатся в Конституции РФ. Однако они носят довольно общий и абстрактный характер, их трудно использовать в ситуации, когда происходит дискриминация при приеме на работу, которая часто завуалирована. Как считают специалисты, необходимо принятие отдельного законодательно закрепленного запрета на дискриминацию при найме и увольнении.

Следующая проблема, существующая в нашей стране, как, впрочем, и во многих других странах, — это неравная оплата труда. И здесь можно обратиться к положительному зарубежному опыту. Так, например, для преодоления гендерного разрыва в оплате труда во Франции, Швеции, Финляндии, Люксембурге и других странах коллективные соглашения между работодателями и сотрудниками должны содержать положения о принципах равной оплаты мужского и женского труда. В Швеции на любом предприятии с численностью занятых свыше 10 человек работодатель должен ежегодно проводить анализ гендерных различий в оплате труда и разрабатывать план по их устранению. Несоблюдение этого положения влечет за собой штрафные санкции. Как известно, основной проблемой при внедрении принципа равной оплаты является сложность

¹⁴ По данным исследований ВЦИОМ разных лет (см.: Гендерные проблемы // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/tematicheskii-katalog/gender-issues> (дата обращения: 15.06.2023)).

сопоставления отдельных видов работ. Однако за рубежом накоплен большой опыт по развитию методик оценки работ и сопоставление их по содержанию и сложности [Клупт 2020]. И мы вполне могли бы его использовать.

Во многом гендерный дисбаланс в оплате труда связан с сегрегацией рынка труда и сосредоточением женских рабочих мест в так называемом бюджетном секторе экономики и заниженной оплатой труда. Экономист И.Е. Калабихина предлагает провести ревизию систем отплаты труда в бюджетном секторе, а для частного сектора экономики разработать рекомендации в отношении адекватной оценки женских рабочих мест, обеспечить прозрачность назначения заработной платы и всех ее составляющих элементов. Помимо этого, она настаивает на усилении контроля за соблюдением антидискриминационного законодательства. Важным шагом исследовательница считает проведение гендерной экспертизы влияния демографической и социальной политики на конкурентоспособность женщин на рынке труда, на конфликт трудовых и семейных интересов [Калабихина 2008].

Другая исследовательница отмечает, что государство должно обеспечить мужчинам и женщинам равный доступ к программам активной политики занятости. Основными инструментами такой политики являются содействие занятости (через субсидирование предприятий); создание новых рабочих мест для выполнения общественных работ; поддержка женского предпринимательства [Абдуллаева 2020].

Для преодоления гендерной дискриминации при продвижении по карьерной лестнице в ряде стран предусмотрены различные меры — от программ по повышению квалификации до программ по борьбе с такими социальными феноменами, основанными на стереотипах, как «стеклянный потолок» и «липкий пол». В борьбе с гендерным неравенством на рабочих местах призвано помочь квотирование: например, во Франции с 2011 года действует квота, согласно которой в советах директоров компаний, котирующихся на биржах, с численностью сотрудников больше 500 или с ежегодным оборотом более €50 млн должно быть не менее 40% женщин. В Норвегии законодательно предписывается соблюдение представительства женщин и мужчин (примерно 40/60%) в советах директоров государственных компаний, а также в акционерных компаниях частного сектора. В Греции закреплена 30%-ная квота на представительство женщин на руководящих позициях в общественном секторе. Аналогичные квоты есть в Германии, Италии, Австрии, Нидерландах, Великобритании и других странах [Там же, 259–261].

Общеизвестно, что различное положение женщин и мужчин на рынке труда во многом обусловлено перерывами в карьере женщин, связанными с рождением и воспитанием детей. В этой ситуации необходимо принимать такие стратегические решения в рамках политики занятости, чтобы мужчины наравне с женщинами были вовлечены в воспитание детей. Сегодня законодательство большинства европейских стран предусматривает право отцов на отпуск по уходу за ребенком. Специальные отпуска для отцов разной продолжительности предусмотрены законодательствами многих стран. Это либо возможность разделить установленный законом срок отпуска между матерью и отцом, либо предоставление отцам отпуска, которым не могут воспользоваться матери. И только в случае исключительно «отцовского отпуска» мы можем говорить о проявлении комплексного гендерного подхода, поскольку у мужчин и семьи появляется стимул участия отцов в уходе за маленькими детьми. Дело в том, что если решение о том, кто должен взять такой отпуск по уходу за детьми, делает семья, то практически всегда отпуск берут женщины. В разных странах существуют и другие законодательные меры поощрения включения отцов в орбиту ухода за детьми. Социальная миссия «отцовских квот» и других мер подобного рода состоит в создании более благоприятных условий для родительства — как материнства, так

и отцовства. Однако в России «отцовские отпуска» трудно принимаются обществом вследствие широкого распространения традиционных стереотипов. Так, например, по данным Фонда социального страхования, охватывающим 39 регионов России, среди воспользовавшихся правом на родительский отпуск по уходу за ребенком доля отцов составляет лишь 2% [Клупт 2020, 42–48].

К сожалению, в Национальной стратегии не представлена задача ликвидации или уменьшения гендерного неравенства на рынке труда. Положение женщин в этой сфере отнесено к разделу «Расширение участия женщин в приоритетных направлениях социально-экономического развития страны, включая формирование новых точек роста экономики», что позиционирует женщин как ресурс развития экономики (а не решение проблем женщин). Сами по себе задачи по реализации задач этого раздела в принципе тоже важны — это интеграция женщин в цифровую экономику; расширение участия женщин в высокотехнологичных отраслях; привлечение женщин к приобретению технических знаний и навыков, необходимых в цифровой экономике; повышение интереса к точным наукам среди девочек и женщин; продвижение женщин-ученых; интеграция женщин в информационные технологии, медиа и иные высокотехнологичные сферы творческого предпринимательства и т.д. Однако без использования других мер социальной политики, описанных выше, это не решит проблем гендерного неравенства.

Семейная и демографическая политика

Семейная и демографическая политика в нашей стране слабо ориентирована на продвижение гендерного равенства. В «Концепции семейной политики в РФ на период до 2025 г.» в качестве приоритетов определены «утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи»¹⁵. Основой семьи считается брак, понимаемый как союз мужчины и женщины, зарегистрированный в ЗАГСе, заключенный для рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению¹⁶. Иными словами, семья рассматривается государством как институт воспроизводства — биологического и социального, и именно в этом качестве ей может быть оказана материальная помощь, причем в основном — семьям с детьми. В Концепции нет ни слова о том, какие меры планируются в рамках социальной политики для обеспечения эффективного сочетания женщиной работы и семьи и развития гендерного равенства в семье.

Анализируя Концепцию, Т.А. Гурко, одна из наиболее авторитетных исследовательниц в области социологии семьи, отмечает, что «со времени становления рыночных отношений в 1990-х гг. начались периодические “метания” от одной модели социальной политики к другой в процессе перенесения опыта других стран, отличающихся своими социокультурными традициями. Так, в анализируемой концепции за точку отсчета принят “просемейный режим”, который в постсоветской России имеет мало шансов на успех» [Гурко 2013, 34]. Она отмечает целый ряд недостатков указанной Концепции. Так, например, в ней провозглашается принцип разделения демографической и семейной политик. Авторы Концепции предлагают видеть семью

¹⁵ Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года. Разд. 3: Цели, принципы, задачи и приоритетные направления государственной семейной политики // РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/documents/2014/08/29/semya-site-dok.html> (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁶ Там же.

«в контексте развития того социума, из которого она вырастает». При этом в Концепции утверждается необходимость каждой семье иметь трех и более детей. Т.А. Гурко справедливо замечает, что традиционные ценности дореволюционного аграрного российского общества вряд ли будут поддержаны основной частью населения нашей страны, которая проживает в городах в условиях информационного общества потребления. Этот тезис подтверждается результатами одного из недавних эмпирических исследований: было показано, что существует большой разрыв между предлагаемыми ценностями и мерами государственной политики и потребностями современной молодежи [Кашина, Клецина 2019; Панова и др. 2019]. Очевидно, что семейная политика довольно слабо ориентируется на потребности сегодняшнего дня. А это чревато социальными разрывами в будущем.

В «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»¹⁷ основной целью, ожидаемо, считается решение проблемы снижающейся численности населения, в том числе благодаря поддержке материнства и семьи. Годом ранее Совет Федерации уже одобрил ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»¹⁸. Граждане, родившие или усыновившие второго и последующих детей, получили право на дополнительные меры государственной поддержки или материнский (семейный) капитал. Эта и другие меры привели к некоторому приросту населения.

Однако некоторые положения Концепции входят в противоречие с политикой гендерного равенства. Как отмечает одна из исследовательниц, проанализировавшая законодательные инициативы и высказывания парламентариев, отечественные законодатели все чаще опираются на риторику Русской православной церкви в решении данных вопросов [Попова 2016, 21]. Однако высказывания РПЦ о роли женщины и мужчины в семье, о разделении обязанностей, отношениях доминирования и подчинения, поддерживаемые на официальном уровне сенатором Е.Б. Мизулиной, являются нарушением пункта «а» статьи 5 Конвенции о ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ). Помимо этого, очевидны и другие нарушения положений КЛДЖ — о свободном доступе женщин к информации, касающейся обеспечения здоровья семьи, ее размера и планирования сроков рождения детей (пункт «h» статьи 10). В соответствии с пунктом «е» статьи 16 Конвенции женщины имеют равные права в определении количества рождаемых детей и промежутках между ними, а также в получении образования и информации, позволяющих осуществить им это право. Камнем преткновения на протяжении многих лет является вопрос о ведении образовательных программ по сексуальному просвещению (велико противодействие введению подобного курса в школьную программу), что приводит к ситуации неосведомленности молодежи в вопросах репродуктивного здоровья. Но возможно, если бы подобные программы имели в фокусе (и названии) именно репродуктивное здоровье, к ним было бы иное отношение. Пока же сложно не согласиться с П.Н. Поповой, которая отмечает, что «попытки увеличить рождаемость граничат с обесцениванием жизней взрослых граждан и в первую очередь женщин, для которых репродуктивная роль считается основной [Там же, 23–24].

Здравоохранение: особенности гендерного подхода

Внедрение гендерного подхода в здравоохранение предполагает, с одной стороны, анализ влияния гендерных ролей и распределения ресурсов на здоровье мужчин и женщин, а с другой — оценку различного воздействия мер социальной политики на мужчин и женщин.

¹⁷ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 25.06.2023).

¹⁸ ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 25.06.2023).

Со времен Аристотеля медицина (как и традиционная культура и наука в целом) рассматривала мужчин как представителей *homo sapiens* в целом, а женщины считались некоторым отклонением от этой нормы. Это означает, что все достижения медицины, полученные на основе изучения мужчин, экстраполировались и на женщин. Так, например, дозы лекарств от «общих болезней» рассчитывались относительно массы тела среднего мужчины; размер игл для инъекций и внутривенных катетеров определяются средним размером кровяных сосудов мужчин. Более того, только относительно недавно стало ясно, что «мужская стратегия» лечения инфаркта не всегда подходит женщинам [Григорьева, Чубарова 2019, 59]. Эти факты послужили основанием для возникновения так называемой гендерной медицины, в которой основное внимание уделяется различиям течения заболеваний у мужчин и женщин.

Для обеспечения принципа гендерного равенства при получении медицинской помощи необходимо более разнообразно и гибко учитывать физиологические различия полов относительно всех болезней, а не только относящихся к материнству и репродуктивному здоровью женщин. Иными словами, для реализации принципа гендерного равенства в здравоохранении необходимо специальным образом учитывать как биологические и физиологические различия полов, так и социальные аспекты неравенства между мужчинами и женщинами. Это значит, что нужно определить те области, в которых здоровье женщин и мужчин подвергается риску из-за того, как распределены их гендерные роли [Григорьева 2015, 12–15].

Решение проблемы гендерного неравенства в сфере здравоохранения, полагают родоначальники гендерного подхода в здравоохранении в нашей стране Н.С. Григорьева и Т.В. Чубарова, возможно только на основе комплексного подхода. Они предлагают инновационный подход, вводя понятие гендерных развилок, то есть точек, когда общая медицинская стратегия распадается на два специфических подхода к лечению мужчин и женщин. «Введение понятия “гендерные развилки” призвано подчеркнуть, что для движения в направлении достижения гендерного равенства в здоровье и системе здравоохранения допустимо использовать различные инструменты в отношении женщин и мужчин. При этом сходства и различия между ними в рамках гендерного подхода не противопоставляются друг другу, а находятся в диалектическом единстве, смещая фокус внимания с какой-то одной целевой группы на гендерное равенство как цель. В данном случае принцип равенства включает в себя и право на различное отношение» [Григорьева, Чубарова 2019, 59]. Как отмечают исследовательницы, это потребует перестройки системы здравоохранения, выработки новых стандартов ведения пациентов — мужчин и женщин. В частности, они предлагают внедрение скрининга по определенным факторам риска, которые связаны с естественными биологическими различиями. Необходимо учитывать существующие различия между мужчинами и женщинами, но не для подтверждения их «неравенства», а для преодоления отрицательных последствий для здоровья биологических особенностей.

Перестройки с учетом гендерного подхода требует и такая традиционная сфера здравоохранения, как репродуктивное здоровье. Репродуктивные права женщин трактуются только как право на получение помощи в связи с материнством, но не как право на свободный выбор женщинами своего репродуктивного поведения. Это определяет повышенное внимание к репродуктивному здоровью определенных социальных групп — женщин фертильного возраста, беременных женщин, подростков. Задача охраны репродуктивного здоровья мужчин просто отсутствует, хотя исследователи давно отмечают проблемы как физиологического, так и социального характера. Важно также отметить, что охрана репродуктивного здоровья населения

мало связывается с необходимостью разработать комплекс мероприятий, направленных на сокращение числа рабочих мест с вредными и (или) опасными для репродуктивного здоровья условиями труда [Козловский и др. 2021].

Заключение

В статье дано понимание основных терминов, используемых в концепте достижения гендерного равенства, раскрыто их содержание и практика применения. Это показано как на примере международных, так и отечественных документов. Кратко описаны проблемы, связанные с недостаточным вниманием к обеспечению гендерного равенства в четырех сферах социальной политики. Гендерное равенство — это не просто вопрос социальной справедливости. Международное сообщество признает, что это один из важных факторов, обеспечивающих развитие человечества как в материальном¹⁹, так и в гуманитарном направлении. Достижение гендерного равенства требует пересмотра ориентиров и принятие новых методов проведения социальной политики. Очевидно, что государственные документы последних лет демонстрируют отход от поддерживаемой ранее политики гендерного равенства и переориентацию на «улучшение положения женщин». Это расхождение между целями устойчивого развития (ЦУР) и задачами национального развития, выдвигаемыми в официальных концепциях, означает, что социальная политика вряд ли будет эффективной в полной мере. Декларативные документы при отсутствии НМ не могут обеспечить преодоление существующего гендерного дисбаланса. Сложность решения проблемы заключается в том, что она сама носит комплексный характер. Например, меры по поддержке материнства могут улучшать ситуацию женщин на рынке труда, а могут и ухудшать ее. И при этом даже не способствовать повышению рождаемости, потому что все зависит от множества конкретных факторов. Именно поэтому необходимо хотя бы задуматься о восстановлении национального механизма, сформировать государственную систему мониторинга проблем гендерного равенства и использовать комплексный подход к решению социальных проблем.

Список литературы:

Абдуллаева З.З. Внедрение комплексного гендерного подхода в процесс принятия стратегических решений: зарубежный опыт и возможности его встраивания в российскую практику // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 8. С. 254–260. DOI: [10.34755/IROK.2020.48.68.142](https://doi.org/10.34755/IROK.2020.48.68.142)

Воронина О.А. Метаморфозы гендерной политики государства // Проблемы российского самосознания: политика и культура. Материалы 13-ой Всероссийской научной конференции. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 157–170.

Григорьева Н.С. Гендерный подход в здравоохранении: методологический комментарий // Управление здравоохранением. 2015. № 1(43). С. 10–28.

Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Гендерные развилки здоровья и здравоохранения в России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 55–71. DOI: [10.21064/WinRS.2019.3.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.5)

Гурко Т.А. О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 33–52.

Зарубин В.Г., Киселева Л.С. Гендерные аспекты лидерства в бизнесе: мировой опыт и Россия // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 1. С. 134–145. DOI: [10.24411/2071-6435-2019-10075](https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10075)

¹⁹ Женщины, труд и экономика. Макроэкономические выгоды гендерного равенства // МВФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/-/media/Websites/IMF/imported-publications/external/russian/pubs/ft/sdn/2013/sdn1310r.ashx> (дата обращения: 10.06.2023); Сила синергии. Взаимосвязь гендерного равенства, экономического развития и экологической устойчивости // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/publications/PowerfulSynergies_RUS.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

Калабихина И.Е. Гендерная дискриминация на российском рынке труда: актуальные предложения по устранению неравенства // Российский экономический интернет-журнал. 2008. № 4. URL: <https://www.e-rej.ru/Articles/2008/Kalabikhina.pdf>

Кашина М.А. Постсоветская государственная политика в отношении женщин: внутренние противоречия // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 3–13. DOI: [10.21064/WinRS.2019.4.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.4.1)

Кашина М.А., Клецина И.С. Модели семьи и семейных отношений в государственных документах по семейной политике и в представлениях студенческой молодежи: точки соприкосновения и расхождения // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 47–64.

Клупт М.А. Влияние семейной политики и нормативных представлений о семье на рождаемость: компаративный анализ // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 40–51. DOI: [10.31857/S013216250008812-6](https://doi.org/10.31857/S013216250008812-6)

Козловский В.В., Панкратова Л.С., Ткачук Д.В. Репродуктивное здоровье населения России: ресурсы государственного регулирования // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 32–46. DOI: [10.21064/WinRS.2021.3.3](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.3)

Милаева О.Ф., Бобров В.А., Мартынова О.А., Питерова А.Ю., Сиушкин А.Е. Женский депутатский корпус Российской Федерации субфедерального уровня: количественные характеристики // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 88–109. DOI: [10.21064/WinRS.2021.4.7](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.4.7)

Панова Е.А., Андрюшина Е.В., Григорьева Н.С. Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи (результаты компаративного анализа данных опроса за 2008 и 2019 гг.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 77. С. 246–273. DOI: [10.24411/2070-1381-2019-10027](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10027)

Попова П.Н. Отрицательное воздействие демографической политики Российской Федерации на установление гендерного равноправия в стране // Культура. Духовность. Общество. 2016. № 26. С. 20–26.

Порецкова А.А., Давиденко М.А., Уткина В.В. Методологические особенности изучения гендерных норм, практик и процессов в публичном управлении // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 111–125. DOI: [10.21064/WinRS.2023.1.8](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.1.8)

Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России / под ред. Н.М. Римашевской, О.А. Ворониной, Е.А. Баллаевой. М.: МАКС Пресс, 2010.

Тартаковская И.Н. Гендерная политика в Европейском Союзе // Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / Под ред. О.А. Ворониной. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 50–68.

Хоткина З.А. Актуальные вызовы рынка труда и их гендерные последствия для занятости // Народнонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 136–148. DOI: [10.19181/population.2020.23.2.12](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.12)

Шведова Н.А. ООН и цели устойчивого развития: на пути к реализации // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 3–16. DOI: [10.21064/WinRS.2022.3.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.1)

Юкина И.И. Двудликий Янус гендерной политики в России // Женщина в российском обществе. 2011. № 3(60). С. 30–38.

References:

Abdullayeva Z.Z. (2020) Implementation of an Integrated Gender Approach in the Process of Strategic Decision Making: Foreign Experience and Possibilities of Its Integration in Russian Practice. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki*. No. 8. P. 254–260. DOI: [10.34755/IROK.2020.48.68.142](https://doi.org/10.34755/IROK.2020.48.68.142)

Grigorieva N.S. (2015) Gender Approach in Healthcare: Methodological Comment. *Upravleniye zdravookhraneniye*. No. 1(43). P. 10–28.

- Grigorieva N.S., Chubarova T.V. (2019) Gender Road Junction of Health and Healthcare in Russia. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 3. P. 55–71. DOI: [10.21064/WinRS.2019.3.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.5)
- Gurko T.A. (2013) The Concept of Government Family Policy of Russian Federation over a Period 2025: Suggestions for Improvement. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. No. 3. P. 33–52.
- Kalabikhina I.E. (2008) Gendernaya diskriminatsiya na rossiyskom rynke truda: aktual'nyye predlozheniya po ustraneniyu neravenstva [Gender discrimination on Russian labor market: Relevant suggestions for solving the problem]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy internet-zhurnal*. No. 4. Available at: <https://www.e-rej.ru/Articles/2008/Kalabikhina.pdf>
- Kashina M.A. (2019) Post-Soviet Governmental Women Policy: Internal Contradictions. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 4. P. 3–13. DOI: [10.21064/WinRS.2019.4.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.4.1)
- Kashina M.A., Kletsina I.S. (2021) Models of Family and Family Relations in Governmental Documents of Family Policy and in the Views of Student Youth: Points of Convergence and Divergence. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 2. P. 47–64.
- Khotkina Z.A. (2020) Actual Challenges of Labor Market and Their Gender Implications for Employment. *Narodonaseleniye*. Vol. 23. No. 2. P. 136–148. DOI: [10.19181/population.2020.23.2.12](https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.12)
- Klupt M.A. (2020) Influence of Family Policy and Normative Beliefs about Family on Fertility: Comparative Analysis. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 3. P. 40–51. DOI: [10.31857/S013216250008812-6](https://doi.org/10.31857/S013216250008812-6)
- Kozlovskiy V.V., Pankratova L.S., Tkachuk D.V. (2021) Reproductive Health of the Population of Russia: Resources of State Regulation. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 3. P. 32–46. DOI: [10.21064/WinRS.2021.3.3](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.3)
- Lombardo E., Meier P., Verloo M. (eds.) (2017) *The Discursive Politics of Gender Equality. Stretching, Bending and Policymaking*. New York, London: Routledge.
- Milaeva O.F., Bobrov V.A., Martynova O.A., Piterova A.Yu., Siushkin A.E. (2021) Female Deputies of the Russian Federation at the Sub-Federal Level: Quantitative Characteristics. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 4. P. 88–109. DOI: [10.21064/WinRS.2021.4.7](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.4.7)
- Ortenblad A., Marling R., Vasiljevic S. (eds.) (2017) *Gender Equality in a Global Perspective* New York, London: Routledge.
- Panova E.A., Andryushina E.V., Grigorieva N.S. (2019) Family Strategy of Modern Russian Student Youth (the Results of 2008 and 2019 Surveys Comparative Analysis. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 77. P. 246–273. DOI: [10.24411/2070-1381-2019-10027](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10027)
- Popova P.N. (2016) Otritsatel'noye vozdeystviye demograficheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii na ustanovleniye gendernogo ravnopraviya v strane [Negative influence of Russian Federation demographic policy on gender equality in the country]. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*. No. 26. P. 20–26.
- Poretskova A.A., Davidenko M.A., Utkina V.V. (2023) Methodological Features of Studying Gender Norms, Practices and Processes in Public Administration. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 1. P. 111–125. DOI: [10.21064/WinRS.2023.1.8](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.1.8)
- Rimashevskaya N.M., Voronina O.A., Ballayeva E.A. (eds.) (2010) *Prava zhenshchin i instituty gendernogo ravenstva v regionakh Rossii* [Women' right and institutions of gender equality in Russian regions]. Moscow: MAKSS Press.
- Shvedova N.A. (2022) The UN and the Sustainable Development Goals: On the Way to Implementation. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 3. P. 3–16. DOI: [10.21064/WinRS.2022.3.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.1)
- Tartakovskaya I.N. (2008) Gendernaya politika v Evropeyskom Soyuze [Gender policy in EU]. In: Voronina O.A. (ed.) *Gendernoye ravenstvo v sovremennom mire: rol' natsional'nykh mekhanizmov* [Gender equality in modern world: The role of national mechanisms]. Moscow: MAKSS Press.

Voronina O.A. (2016) Metamorfozy gendernoy politiki gosudarstva [Metamorphoses of state gender policy]. *Problemy rossiyskogo samosoznaniya: politika i kul'tura. Materialy 13-oy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Yaroslavl'. RIO YaGPU. P. 157–170.

Yukina I.I. (2011) Dvulikiy Yanus gendernoy politiki v Rossii [Janus of Russian gender policy]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 3(60). P. 30–38.

Zarubin V.G., Kiseleva L.S. (2019) Gender Aspects of Leadership in Business: World Experience and Russia. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. No. 1. P. 134–145. DOI: [10.24411/2071-6435-2019-10075](https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10075)

Дата поступления/Received: 03.08.2023